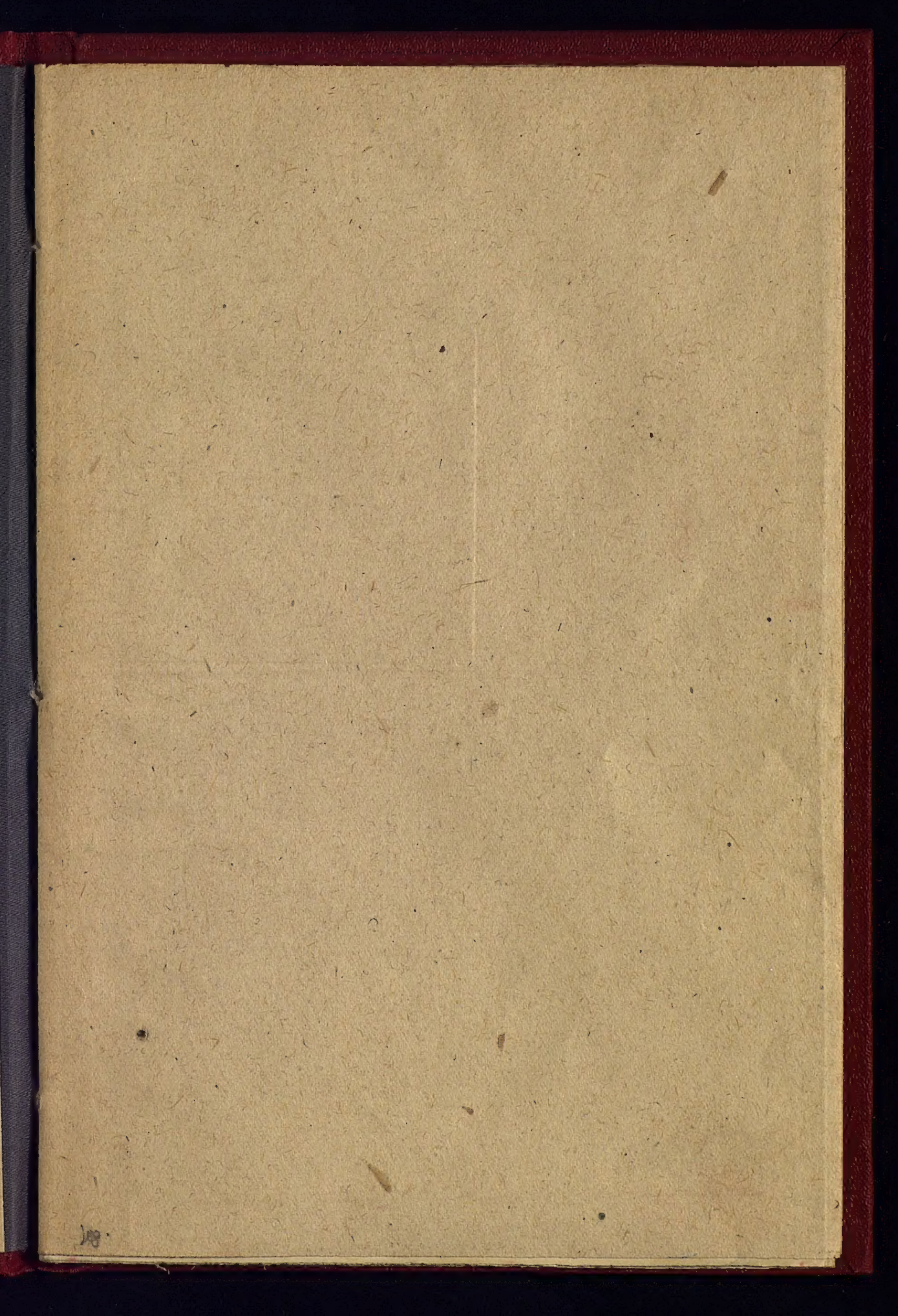
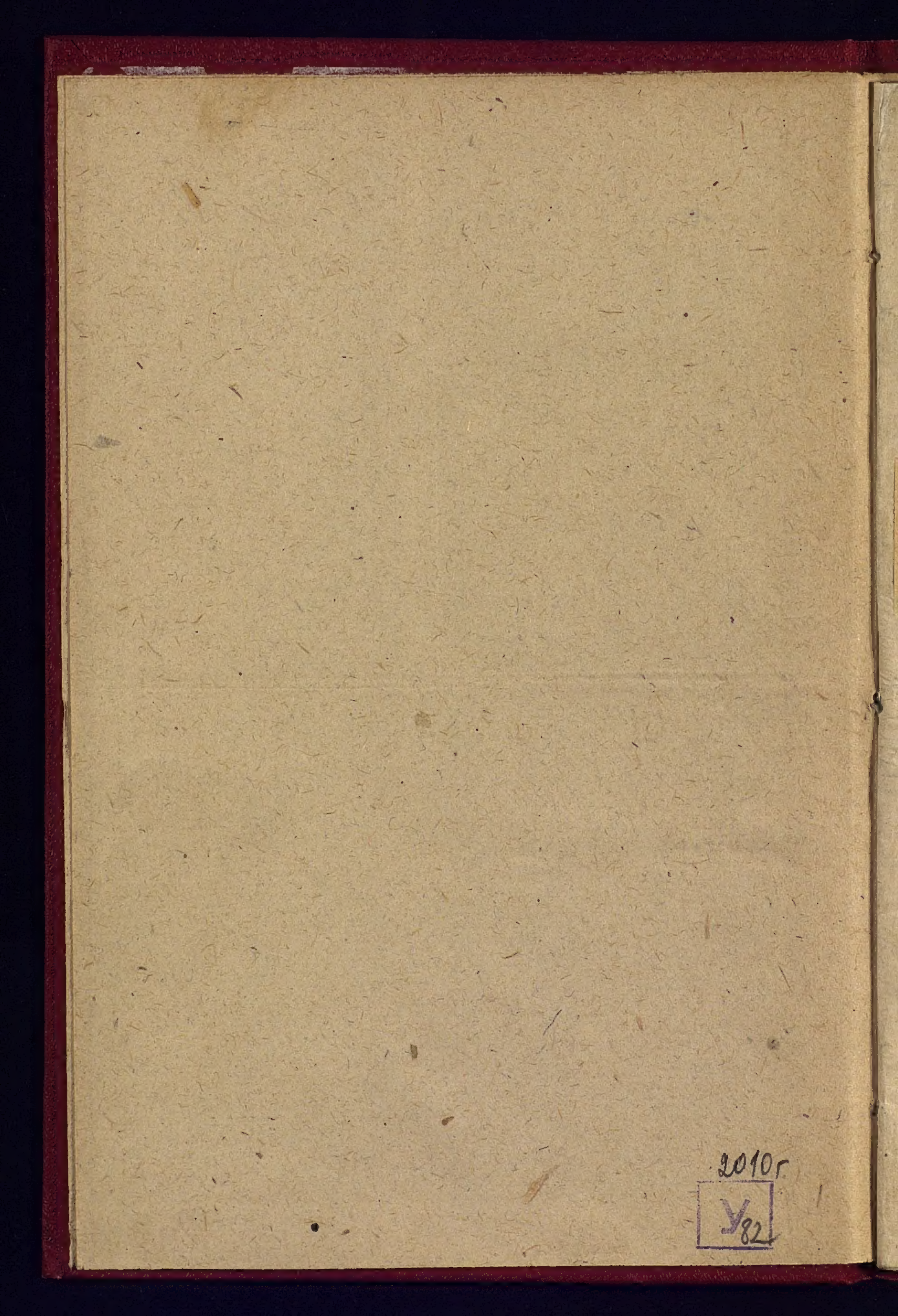
Горький

О писателе

2010г
У 82

Горький. С-Д III[2]

О писателе который зазнался.

Нехорошо, когда писатель много имѣетъ почитателей, нехорошо! Только болотнымъ растеніямъ не вредитъ избытокъ сырости. Бу[illegible] ея въ мѣру.

~~[illegible]~~

[illegible] писателей, которы[illegible] по дорогѣ къ цѣли своей неожиданно забрелъ въ трясину популярности, о томъ, какъ смѣшно и неловко онъ велъ себя, наглотавшись тины почвы, и что произошло съ нимъ, когда голова закружилась отъ туманныхъ испареній славы.

Былъ этотъ парень простоду=

ный, но не совсѣмъ дуракъ, и отличался онъ Товарищей по ремеслу тѣмъ, что всегда былъ искрененъ и потому каждый день противорѣчилъ себѣ.

Жилъ онъ въ странѣ, литература которой пользовалась всемiрной славой, и, когда началъ спотыкаться о первые признаки популярности, то отнесся къ нимъ съ подозрѣніемъ и подумалъ: „странно: и въ трубы-ли трубятъ — не слышатъ, дудочка поетъ — радуются, смѣются..."

Парень этотъ не былъ скроменъ, отнюдь нѣтъ! но онъ зналъ себѣ цѣну, вотъ въ чемъ дѣло.... И еще онъ зналъ, что въ его родной странѣ нѣтъ народа, а есть только публика, и что именно

публика создаетъ литературныя и иныя репутаціи; народъ живетъ своимъ бытомъ, писателями пренебрегаетъ вѣрить въ колдуновъ, всю жизнь только работаетъ, но всегда голоденъ и всю литературу вмѣстѣ съ другими, любимыми публикой, искусствами, въ любой моментъ готовъ промѣнять на куль муки.
Но хотя мой парень твердо зналъ все это, однако-человѣкъ онъ былъ! и къ тому же всѣ, всѣ писатели и другіе мудрые-люди болѣе или менѣе ограниченные. Онъ началъ чувствовать, что ожесточенное вниманіе публики къ его словамъ - пріятно ему. Онъ сталъ получать отъ читателей лестныя письма.

Одинъ читатель писалъ: „Талантливый", другой чернилами по бѣлому выводилъ: „Многоуважаемый", какая то читательница написала просто, но сильно: „Душка! спасибо!", точно писатель то шелку на кофточку ей подарилъ. А одинъ лавочникъ торговавшій книгами прислалъ письмо такого содержанія: „М. Г. г-нъ писатель! будучи заинтересованъ, почему это публика такъ здорово покупаетъ ваши многоуважаемыя книги, — я оныя прочелъ и изъ меня вылились нижеслѣдующія стихи:

Какъ мой въ болотѣ,
Въ душѣ моей унылой
Цвѣли мечта и грезы
О жизни безъ препонъ.

Цвѣли онѣ, но рѣдко
Цвѣли и увядали
И въ тинѣ сердца гнили
И пахли очень скверно...
Но ты проникъ мнѣ въ сердце
Своимъ горячимъ словомъ,
Какъ искрами осыпалъ
Ты мракъ моей души!
И запылалъ я страстно
И сталъ безумно храбрымъ
И нынѣ гордо пахну
Палёного щетиной

Съ истиннымъ почте-
ніемъ Семенъ Ястребовъ"

И много другихъ сладострастныхъ вниманій получалъ мой писатель отъ публики. А чертъ, вѣрный спутникъ писателя, смѣясь подсказывалъ ему: „Не смущайся дурачекъ, вѣдь это по заслугамъ тебѣ, ты

теперь для публики, какъ молодая любовница разслабленному старичку. А также ты не притворяйся скорбнымъ, ибо — „карась любитъ, чтобъ его жарили въ сметанѣ, а писатель — чтобъ его кадили въ дыму славы". Хо-хо-хо!!

И вотъ паренекъ мой началъ потихоньку высовываться на глаза влюбленной въ него публики. Видитъ рукоплещетъ она. И сталъ онъ къ этому привыкать, какъ пьяница къ водкѣ, и стало ему безъ рукоплесканій скучновато жить и съ тѣмъ вмѣстѣ зазнаваться парень сталъ.

Вотъ однажды въ модномъ мѣстѣ толпа публики окружила его, приперла къ стѣнѣ

и, хлопая въ ладоши одобрительно прокричала: „Браво! Бр-а-во!“ а онъ сталъ передъ толпой умиленно улыбаясь и было ему такъ сладко, точно его въ патокѣ варили... Первый разъ видѣлъ онъ публику на такомъ близкомъ разстояніи... И вдругъ ему стало неловко передъ нею даже жутко; показалось ему, что сей-часъ начнутъ его щекотать подмышками, и въ головѣ его зароились разныя нелѣпыя мысли. Казалось, что каждый изъ толпы, разглядывая его, мысленно сравниваетъ свои уши съ ушами писателя, желая съ точностью опредѣлить, чьи длиннѣе. И мой милый парень почувствовалъ, что уши его ростутъ и достигаютъ гиганти-

скихъ размѣровъ. А публика смотритъ и кричитъ: „Браво! Бра-во!“ Тогда въ умѣ моего парня загорѣлось зловѣщее сомнѣніе въ принадлежности самому себѣ и онъ подумалъ: „они считаютъ меня собственностью и сей-часъ начнутъ играть мною, какъ мячикомъ“.- А чертъ стоя сзади него, ехидно посмѣиваяся: „хе-хе-хе! гляди-ко, гляди!“ Взглянулъ мой бѣдный парень, видитъ - съ десятковъ возросла толпа до сотенъ и все рукоплещетъ. Стоятъ среди нихъ благовоспитанные потомки Іуды Искаріота, Игнатія Лойолы и всѣхъ другихъ христопродавцевъ, стоятъ твердо и тоже рукоплещатъ ему.

Глаза публики, какъ сотни молотковъ, воткнулись въ грудь моего парня, а онъ смотрѣлъ въ смущеніи на толпу и видѣлъ: вотъ всѣ лица ея слились въ одно огромное, мрачное, рабское лицо и на немъ не было глазъ, а только два мутныхъ пятна на мѣстѣ ихъ и носъ на лицѣ этомъ былъ длиненъ, какъ хоботъ слона.—

„Смотри! сказалъ чертъ злорадно хихикая, вожди ея вытянули ей носъ, но не зажгли огня въ сердцахъ ея, и вотъ она слѣпая! И посмотри какой у нея языкъ, ты посмотри!"

Передъ глазами моего героя шевелились огромныя, чувственныя губы, открывая глубокую чер-

ную яму, въ глубинѣ которой ворочалось какое-то скользкое, короткие, толстое ботало и со смрадомъ выговаривало: „Бр-а-во! Бра-во!"

—„Я, господи, въ искренность вашего отношенія вѣрю... только плохо понимаю, чѣмъ я вызвалъ у васъ столь теплое чувство. Иногда, знаете, мнѣ кажется, будто вы меня за-то любите, что я не ношу сюртука и въ своихъ разсказахъ часто употребляю неприличныя слова. И порой мнѣ думается, что если бы я научился лирическіе стихи лѣвой ногой писать, вы бы еще теплѣе еще съ большимъ вниманіемъ отнеслись бы ко мнѣ."

„Бра-во! Бра-во!" рявкнула публика.
— „И видите ли, мнѣ думается, что вы не настоящіе читатели, а просто почитатели. Читатель — онъ знаетъ, что важенъ не человѣкъ — важенъ духъ человѣческій, и писателя не разглядываютъ, какъ теленка о двухъ головахъ. Онъ его читаетъ, но ему не вѣритъ, а надъ книгой самъ думаетъ „Вотъ это такъ, а это не такъ", а подумавъ, онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее и потомъ это хорошее называютъ исторіей, вы же господа творите не исторію, а скандалы... И настоящаго читателя совсѣмъ немного на землѣ, а такихъ какъ васъ — вонъ сколько! По совѣсти моей я долженъ сказать, что никакихъ

симпатій, а тѣмъ болѣе, уваженій не питаю къ вамъ... Товарищи говорятъ мнѣ, что публику уважать нужно, но никто не могъ объяснить - за что. Какъ, вы думаете, за что можно уважать васъ?"

Писатель замолчалъ вопросительно посматривая на публику. Она тоже молчала, и какъ бы затуманилась немножко.

Откуда то подуло холоднымъ вѣтромъ.

- „Вотъ видите, - послѣ долгаго молчанія сказалъ писатель; - вы и сами не въ состояніи придумать, за что можно было бы уважать васъ!"

Какой то рыжій человѣкъ

открылъ ротъ и басомъ молвилъ: „Мы люди".
—„Ну, многоли среди васъ настоящихъ людей? Можетъ быть человѣкъ пять на тысячу найдется, такихъ, которые страстно вѣрятъ, что человѣкъ есть творецъ и владыко жизни, а право его свободно думать, говорить, ходить — святое право; можетъ быть только пять изъ тысячи способны бороться за это право и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него. Большинство изъ васъ рабы жизни или наймые хозяева ея — и всѣ вы кроткіе мѣщане, временно заступающіе настоящихъ людей.
То что въ васъ есть человѣ-

ческаго только зоологическое.
Я вотъ смотрю въ ваши тусклые и робкіе глаза и со страхомъ вижу, какъ мало среди васъ сильныхъ, какъ мало честныхъ! Бѣдна страна моя людьми сильными, а ужъ вновь наступаетъ время, когда ей нужны герои!"

Человѣкъ двадцать обратились затылками къ оратору и пошли прочь.

Онъ же продолжалъ: „Хорошій, живой человѣкъ всегда куда-нибудь стремится, чего-нибудь ищетъ, а вы живете тихо, смирно, неподвижно—такъ какъ приказали вамъ. Жить вамъ тѣсно, думать лѣнь, двигаться вы боитесь. Вокругъ васъ,—точно у кокотки

въ гостиной безделушки на
полкахъ торчатъ — полусгнив-
шія традиціи, да разныя жи-
тейскія правила, — ни къ черту
негодныя. Все это можно
вамъ рукою низвергнуть, но все
это ваши маленькіе идеалы,
а вы не смеете низвергнуть
ихъ, хотя они, какъ оковы вамъ.
И когда вечеръ съ полей прино-
ситъ въ затихшій воздухъ іюльскій
миръ, новыя, свѣжіе запахи — вы
отпираете окна въ садикъ, за-
рываете все форточки. Безпо-
койства не любите вы, безпо-
койства пугаетъ васъ! Но вамъ
нужно иметь, что-нибудь для
разговора, нужно чемъ-нибудь
занимать своихъ гостей и какъ
нищіе на паперти вы прото-

шваете руки къ литературѣ, чтобы взять у ней что-нибудь для развлеченія. Литература для васъ острая приправа, ко- приправляете вашей изнѣженной жизни, вамъ нравится, когда люди пишутъ правду и [illegible], но только нравится. И [illegible] ни [illegible] не возбуждали въ груди у васъ литератур- ничего кромѣ криковъ одобре- нія [illegible]. Вы не люди, вы зри- тели, вы публика; жизнь не дрогнула бы, если бы вы сра- зу исчезли изъ нея; прова- литесь вы всѣ въ землю — ни- чего не измѣнится на землѣ!"

Писатель въ страхѣ закрылъ глаза, чувствуя, что его куда-то сваливаютъ. Но когда открылъ

нихъ, передъ нимъ стояли лю-
ди. Самые, самые обыкновен-
ные люди, стояли передъ ним
красной стеной, лица ихъ улы-
бались, глаза сверкали удовле-
твориемъ дѣтей, увидавшихъ
новую игрушку и все вокруг
было просто и обычно.
Онъ только улыбался и многослов-
[illegible] [illegible] [illegible]
вдругъ разлилось въ сердцѣ его
ему захотелось сказать что-
нибудь глубокое — что-нибудь за-
душевное. Онъ вздохнулъ
такъ много глубоко и испуганно, при-
жалъ руку къ своему испуганному
сердцу:
— „Господа!"
— „Бр-а-во! — Же-е-е — Vive!
Ш... ... онъ хочетъ говорить..."

„Господа, сказалъ онъ, внима-
нiе ваше прiятно щекочетъ
мнѣ сердце. Я, кажется, пони-
маю васъ. Когда я былъ маль-
кимъ и слышалъ военную му-
зыку, я бывало бѣжалъ за ней
и меня тоже занимала не
столько сама музыка, сколько
то, какъ солдатъ, играющiй на
большой трубѣ, надувалъ щe-
ки. Благодарю васъ, господа!"
—„Браво! закричала публика.
Мы любимъ васъ!" громко
сказалъ кто то.
—„Спасибо," еще разъ сказалъ
писатель растроганный и уми-
ленный..
—„Бр-а-во!"
—„Господа, вознесясь куда то,
крикнулъ мой герой — давайте

говоритъ по душамъ."

— „Бр-а-во!"

А чертъ стоя сзади писателя все посмѣивался — хитрый!

— „Вы стойки, потому что рабы. Васъ бьютъ — вы молчите, васъ оскорбляютъ — вы улыбаетесь. Васъ возмущаютъ только жены, когда не вкусенъ обѣдъ, а страдаете вы отъ жадности къ благамъ жизни, отъ зависти другъ къ другу и отъ несваренія желудка. Когда сапогъ жметъ вамъ ногу — вы стонете „О какъ правъ Шопенгауэръ!" А слыша крикъ „свобода" вы думаете про себя: „что ему Гекуба"? Чертъ бы васъ всѣхъ побралъ! Если бы вы знали, вы жалки какъ противны, какъ ужасно и тяжко жить среди

васъ! Вамъ говорятъ - жизнь страшна, жизнь мрачна, она вся сочится кровью. Вы не вѣрите, - ваша жизнь только пошла и скучна, и когда вамъ указываютъ смерть и ужасъ этой пошлости - вы остаетесь спокойными, интересуетесь лишь однимъ - красиво ли указано. Эстетики утопающіе въ грязи, хотя бы скорѣе захлебнулись вы его!"

Публика постоянно таяла. Она не любитъ длинныхъ рѣчей.
- А чертъ посмѣивался - онъ вѣдь зналъ настоящую цѣну всего этого. Но араторъ, увлеченный исполненіемъ своего долга, - ничего не замѣчалъ.
- „Жизнь - героическая поэма, а

человѣкъ, который ищетъ сердца
ея и не находитъ, хочетъ все знать
и не можетъ, стремится быть
могучимъ, какъ отецъ его на небе-
сахъ и не въ силахъ побѣдить
своей слабости. Слыхали вы что-
-нибудь объ истинѣ, о справедли-
вости, о желанiи видѣть всѣхъ
людей земли гордыми, свободны-
ми, красивыми?.... Вамъ хо-
чется быть только сытыми, жить
въ теплѣ, насиловать и развра-
щать женщинъ, подъ видомъ
любви къ нимъ. Вамъ хочется
жить спокойно, уютно, поти-
хоньку — вотъ ваше счастье! А
желанiе ваше мало счастья-
- желанiе купить на грошъ пя-
таковъ. Счастье ловятъ крѣп-
кими мускулистыми руками,

а вы трусливые, слабые, хил...
вы даже и мухъ не можете пой-
мать (безъ помощи со стороны, вы
и съ мухами сражаетесь посред-
ствомъ ядовитыхъ бумажекъ „Смерть
мухамъ". Мнѣ жалко мухъ.
Онѣ жужжатъ и тѣмъ мѣ-
шаютъ спать, но я съ радостью
написалъ бы для васъ бумажку-
-„Смерть мухамъ!", чтобы вы,
читая ее отравились бы безпо-
койствомъ... Вижу - я не правъ:
здѣсь вы безпокоитесь... Когда
вамъ становится неудобно жить,
потому что не хватаетъ жа-
лованья для прокормленія
семьи или отъ того, что вамъ -
отъ скуки жить съ вами -
измѣняютъ ваши жены. Вы
стонете философствуете, жизнь

жизнь вашъ кажется гадкой и
тяжелой до поры, пока вамъ
не прибавятъ жалованья или
вы не найдете себѣ любовницы.
И, наполняя жизнь старческимъ
брюзжаніемъ, сквернымъ скрипомъ
разочарованій, а вашими жалобами
на нее вы отравляете слухъ вашихъ
юныхъ дѣтей. Вы останавли-
ваете ихъ слухъ на мелочахъ
жизни, на пошлостяхъ ея и
ихъ мысль тупится, какъ мечъ,
которымъ рубятъ сучья, а не го-
ловы. Потомъ и дѣти, утом-
ленные вашими разсказами о
жизни, которой вы не знаете,
тихо идутъ проторенными
тропами, предвременно ста-
ренькія, холодненькія, дрянненькія.
Идутъ они и ищутъ жизнь

гнилую, жизнь сытую, жизнь уютную, находятъ ее и существуютъ потихоньку, по примѣру отцевъ. Они какъ свѣжая известка, которой замазали трещину въ старомъ зданіи. Это тяжелое, грязное зданіе все пропитано кровью людей, которыхъ раздавило. Оно сотрясается отъ дряхлости, охвачено предчувствіемъ близкаго разрушенія и въ страхѣ ждетъ толчка, чтобы съ шумомъ развалиться. И уже зрѣютъ силы для толчка, онѣ наростаютъ, онѣ едва могутъ сдержать себя и, то тамъ, то тутъ вспыхиваютъ пламенемъ нетерпѣнія. Онѣ придутъ, тогда старое зданіе задрожитъ, рухнетъ на голову вамъ и раздавитъ всѣхъ, кого вы только за то

достойныя казни, что мнѣ с
не сдѣлали. Но невинныхъ нѣтъ
въ жизни!.."

Публики осталось совсѣмъ немного. Часть ея смотрѣла на писателя съ сожалѣніемъ, любя читать его разсказы, она съ грустью слушала его рѣчь, ибо въ этой рѣчи ничего не было эстетическаго. Нѣкоторые смотрѣли насмѣшливо. Всѣмъ было скучно и никто не обижался. Вотъ какой-то юноша, нахмурившись сердито крикнулъ: „Все это слова! Вы скажите какая у васъ программа практики".

А почтенный господинъ со вздохомъ замѣтилъ: „Эхъ и я въ молодости былъ романтикъ!"

Дама въ черномъ платьѣ спросила: „что онъ женщинѣ руку?"
Чертъ смѣялся...
- Еще нужно сказать вамъ: „очень ужъ вы любите быть несчастными! Я думаю вы это дѣлаете по расчету; вамъ нечѣмъ возбудить другъ къ другу уваженія и любви - вотъ вы и становитесь несчастными, чтобы возбуждать къ себѣ жалость и сочувствіе; дешевенькій иллюзіи, которыми вы одинаково одѣляете другъ друга съ тою же силою, кк собачонку, когда колесо экипажа раздавитъ ей ногу. Если бы у васъ было здоровое и крѣпкое чувство любви жизни!.. Вѣдь вы не любите жизнь, вы боитесь ея, вы тихонько, какъ воры,

отрываете отъ нея кусочки.
Кроткіе люди! бѣдные ни-
щіе! Пошли, Господи, побол-
ше бѣдъ на вашу голову, дабы
вы обезпокоились, да[illegible] мно-
жество тревогъ вамъ, чтобы
вы ожили!"

Изъ троихъ, стоявшихъ
передъ ораторомъ одинъ оби-
дѣлся и закричалъ:

— „Да не всѣ же мы таковы...
чертъ возьми! Это [illegible]
несправедливо!"

— „Господинъ не требуйте
отъ меня справедливости — ея
нѣтъ въ жизни, ея нѣтъ
еще пока — какъ среди васъ
можетъ родиться справедли-
вость? И всѣ вы одинаково пло-
хи. Вы [illegible]щество, какъ дѣ-
лить васъ на хорошихъ и
на дурныхъ? Вы всѣ въ

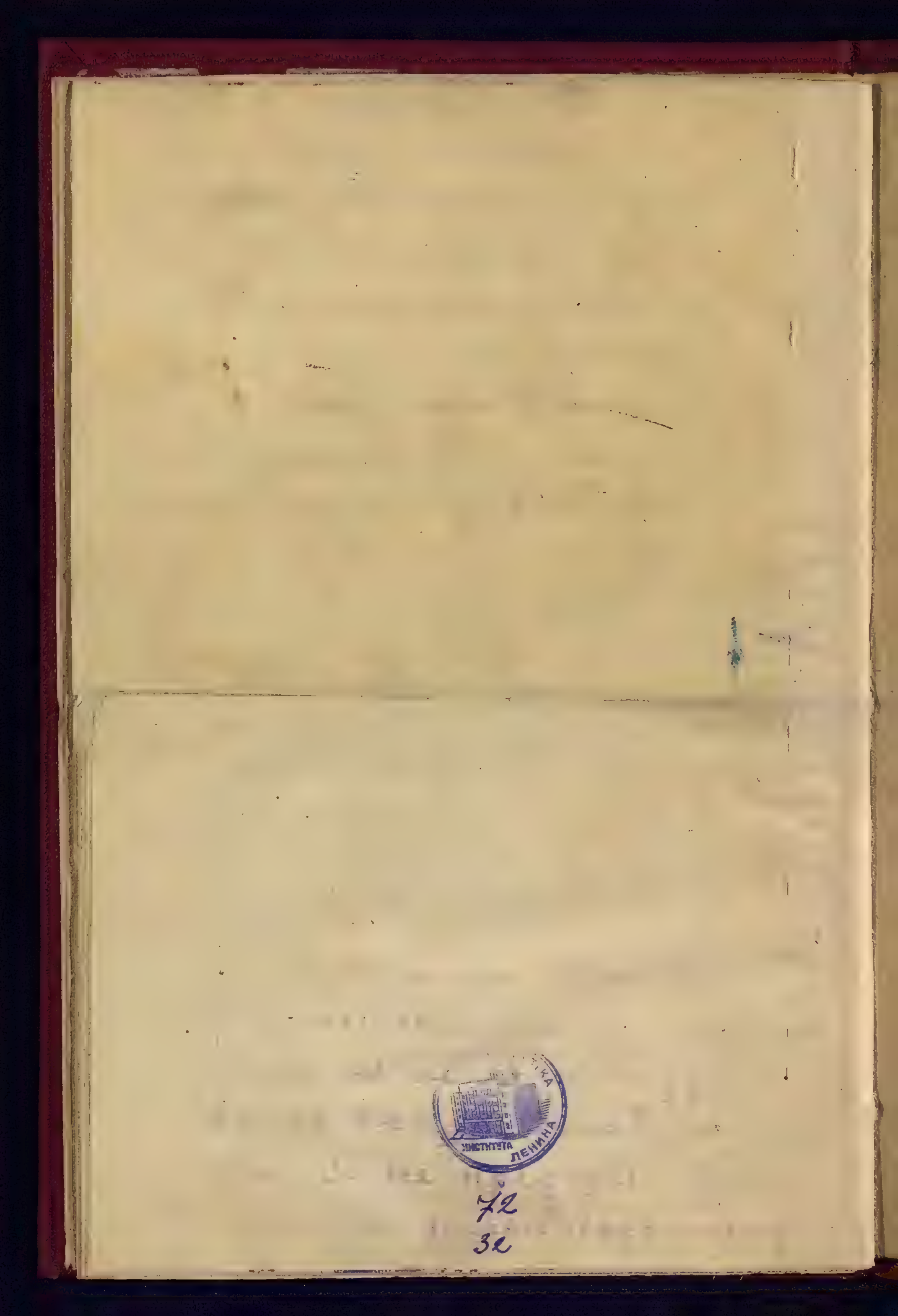
въ юности вооружаясь знаніями сидя въ гимназіи и вѣчѣхъ васъ учатъ одному и тому же. Я думаю, вы учитесь хорошему, ибо увѣренъ, что дурному вы не позволили бы учить себя. Мнѣ трудно представить себѣ университетъ, въ которомъ учили человѣко-ненавистничеству юношей, безстрастному чиновничьему отношенію къ жизни, стремленію къ теплымъ мѣстамъ и прочимъ премудростямъ. Мнѣ почему то всегда казалось, что учатъ не этому, но однако когда вы входите въ жизнь, всѣ эти мерзости не убываютъ въ ней отъ вашего присутствія. Я не увѣренъ, что вы приносите свѣженькія

покончили съ собой и этого не буду утверждать. Я только знаю, что въ двадцать пять вы страдаете [illegible], а въ тридцать пять у васъ [illegible], [illegible]. Я знаю, вы умѣете работать на себя, но спрашиваю, что вы сдѣлали для жизни? Вы всѣ одинаково холодны [illegible], даже и тѣ изъ которыхъ горячо говорятъ. Сколько мерзости вокругъ васъ! Вы требуете уничтоженія ее, вы изгоняете вонъ отъ васъ? Нѣтъ, но лучшіе изъ васъ, я видѣлъ, брезгливо прячутъ [illegible] отъ нея. Стремленіе быть чистенькимъ — не дурное стремленіе, но честный человѣкъ не боится грязи. Будемъ говорить по совѣсти, — въ томъ,

[illegible] наша [illegible]
[illegible]верна мы всѣ одинако[illegible]
[illegible]ковами. На землѣ [illegible]
[illegible]равнымъ, какъ [illegible]! Я [illegible]
[illegible] у васъ много [illegible]
[illegible] передо мною и [illegible]
[illegible] рабски [illegible] за [illegible]
[illegible] вашей [illegible]? Я [illegible]

[illegible]

[illegible] убиваютъ вокругъ [illegible]
[illegible], потому только, [illegible]
опираются на [illegible]
на нашихъ [illegible] за [illegible]
[illegible], не наши [illegible]
чувства. Въ [illegible]
[illegible]новаты мы всѣ одинаково.
И если бы я открылъ бы ему пре-
ступленія, я проклялъ бы васъ
всѣхъ — [illegible] открою въ [illegible]

ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА
72
32